

## РЕЦЕНЗИЯ НА ФИЛЬМ «ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК».

На афише фильма «Хороший мальчик», режиссёра О. Карас, обозначены выходные данные: картина создана при поддержке Министерства культуры, возрастной ценз 12+.

Реакция психологов на него категорична и справедлива: фильм деструктивного содержания, которое оказывает разрушительное воздействие на психосоциальные поведенческие нормы подростков, нивелирует такие нравственные категории, как любовь, совесть. В картине авторами отрицаются важнейшие общественные устои - уважение к родителям, пиетет по отношению к старшим, учителям.

По сюжету десятиклассник Коля Смирнов ходит в школу, где учительница английского - любовница директора, а сам директор – игроман в нелегальном казино и бабник. Дочь директора школы – циничная, распущенная девица, которая мечтает о розовом «Порше» и о том, чтобы школа сгорела. Колин отец - неудачник и несостоявшийся учёный, мать - раболепное существо и приложение к кухонному гарнитуру, брат – безвольный дегенеративный подросток. Периодически во дворе школы появляется маньяк, одетый в плащ на голое тело, который обливает школьников мочой. Однажды Коля оказывается дома у учительницы английского и та в пьяном виде пытается его соблазнить. После того, как Коля рассказал об этом отцу, тот с родительским назиданием подарил сыну презервативы. Одноклассник предлагает Коле пожевать какое-то растение, после чего тот в наркотическом дурмане лезет на балкон к учительнице английского и подглядывает за тем, как она в нижнем белье бреет ноги.

Перипетией и коллизией сюжета становится пожар в компьютерном классе, из-за чего все друг друга подозревают в поджоге. Брат Коли думает, что класс сгорел из-за брошенного им окурка, и поэтому готовится к тому, что его осудят и посадят в тюрьму. Поэтому он в Интернете знакомится с бытом заключённых. Старшеклассники выбивают дань из учеников младших классов...

Заканчивается фильм хэппи-эндом. В финале некие спонсоры дарят школе новые компьютеры. На школьной площадке по этому поводу - праздник. Одеты в русские народные костюмы, Коля вместе с одноклассниками танцуют польку, а затем вся школа, словно копируя голливудские киносюжеты 80-х, начинает дёргаться в пароксизмах брейк-данса...

Если оценивать «Хорошего мальчика» с профессиональной точки зрения, то фильм не выдерживает никакой критики. Несмотря на участие в нём известных актёров, в прокате он провалился. Хотя продюсировал эту работу известный кинематографический и общественный деятель Ф. Бондарчук. В связи с этим у зрителей возникает закономерный вопрос: с какой целью снимаются подобные картины?

Сегодня власть и общество пытаются сформулировать общегосударственную национальную идею. В культуре, которая отображает в своих произведениях политико-социальную реальность, носителем и транслятором подобной идеи всегда является положительный герой.

Показывая особенности образа, личности такого героя, искусство рассказывает и о процессе его становления. Существует, например, жанр биографического фильма, где повествуется о детстве, юношестве, взрослении героя. В советские времена была даже создана целая индустрия со специализированными издательствами и киностудией, где создавались произведения о детях, подростках, молодёжи. Сегодня индустрия культуры иного характера и служит иным целям...

Тем не менее, проблема героя в искусстве и, соответственно, в реальной жизни для нас остаётся актуальной, как никогда ранее. Ведь образ героя в культуре носит обобщённый, собирательный характер. Он вбирает в себя множество типологических черт представителей различных социальных, национальных, профессиональных и иных

групп. А нашему обществу, состоящему из этих групп, и живущему в эпоху смены мировоззренческих парадигм, сегодня непонятно - какими нравственными, идеологическими, религиозными, культурными ценностями должен в своих поступках руководствоваться современный герой в искусстве, которое служит проекцией окружающей жизни? Он ведь должен быть примером, выразителем общественных идеалов, защитником нашего настоящего и созидателем будущего.

В этом смысле не менее важным является вопрос: каким должен быть юный герой нашего времени? Каким предстаёт сегодня в искусстве образ школьника, подростка? Советское искусство показывало таких героев на примере Тимура и его команды, Сани Григорьева из «Двух капитанов» и многих других. Русский критический реализм XIX века запечатлел, например, юного героя той эпохи в рассказе «Мальчики» Ф. М. Достоевского.

Сегодня православная общественность чаёт в образе героя нашего времени черты святоотеческого идеала, полагающего «душу за други своя». А либеральная часть общества, порвавшая с «проклятым советским прошлым» и одновременно отрицающая традиционалистские, консервативные ценности, грезит о совершенно иных качествах образа героя, чем те, что нашли своё отражение в русском критическом реализме и соцреализме. Но, при подобном расхождении ценностных установок и противоположных зрительских ожиданиях, герой в отечественном современном искусстве может быть только шизофреником с комплексом раздвоения личности. Можно ли преодолеть эти противоречия?

В такой ситуации власть и общество должны, наконец, определиться: если мы в области культуры будем осознавать себя наследниками тысячелетней отечественной традиции, тогда в нашем искусстве будет преобладать преемственный тип духовно-нравственного реалистического искусства. В противном случае нам придётся довольствоваться постмодернистской продукцией «общечеловеческого» глобализма. Но, тогда нужно будет смириться с существованием на экране и в жизни однополых браков, «постхристианской цивилизации» и т.п. Паллиативов здесь быть не может. Не монтируется глобализм с традиционализмом. Единство этих противоположностей невозможно.

Чем характерно русское классическое искусство, кроме высочайшего профессионализма авторов? Недвусмысленной, подчёркнуто заострённой авторской оценкой в показе явлений добра и зла. А так же сострадательным, сочувственным отношением к человеку и изображаемым событиям. «И нам сочувствие даётся, как нам даётся благодать...», - написал великий русский поэт и дипломат Ф. И. Тютчев. Именно в таком духовно-нравственном контексте явлен смысл произведений русского искусства. Без этого сочувственного авторского отношения к персонажам, к «маленькому человеку», без православного религиозного подтекста роман «Преступление и наказание» превратился бы в криминальное чтиво в жанре «хоррор».

Либеральные деятели культуры знают, что можно посредством определённых технологий в искусстве (особенно искусстве кино) переформатировать сознание народа, затемняя его религиозные заповеди и нравственные законы. Поэтому для разрушительного содержания своих работ они подбирают соответствующую форму. Тому есть исторические аналогии.

Например, на заре советской культуры член партии эсеров и опекаемый Яковом Свердловым Виктор Шкловский в статье «Искусство как приём» так определил придуманный им художественный «приём остранения» (так у автора, - А.С.): «**Не приближение значения (явления, события, - А.С.) к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание „в́идения“ его, а не „узнавания“.** При остранении вещь не называется своим именем, а описывается как в первый раз увиденная».

Проще говоря, используя такой эстетический приём, можно в искусстве переворачивать привычные нам явления «с ног на голову», произвольно трактовать традиционные нравственные и духовные ценности. Нужно только придать им необычный, странный вид, который нарушает наше привычное их восприятие. Тогда странная, необычная форма изображаемых, например в кино, событий отвлечёт внимание зрителей от их содержания. А когда зритель привыкнет к таким странностям формы, можно затем и содержание общественных идеалов, норм морали, которые веками являлись критериями социальной жизни и культуры, тоже сделать «странным» и исказить. Прообраз такого технологического метода описан ещё Шекспиром в «Макбете», когда ведьмы поют: «Зло есть добро, добро есть зло. Скорей садись на помело!».

Похожий художественный приём использует режиссёр фильма «Хороший мальчик». Причём, создатели картины словно бы говорят зрителям: «Это же игра, шоу, представление. И потом, разве не похож сюжет фильма на современную реальность? Поэтому не нужно возмущаться и морализировать».

Посмотрев этот фильм, возрастной ценз которого 12+, зрители недоумённо спросят: а чем он отличается от глумливой чернухи 90-х, которая была «только для взрослых», с её помойками и проститутками?

Отличается целеполаганием. Раньше целью киночернухи было утверждение, что у России нет будущего. Сегодня - иная цель. Либеральным приверженцам «общечеловеческих ценностей» важно сформулировать собственное видение будущего России и навязать его - в том числе, через искусство, - нашему народу. Поэтому зрителям презентуется новый тип киноперсонажа, принципиально отличающийся от традиционного образа героя из лучших произведений русского реализма и советского искусства.

Таковым «иным» персонажем становится и экранный образ подростка. Если классический положительный герой всегда вмешивается в процесс борьбы между силами добра и зла, активно защищая униженных и оскорблённых, то «хороший мальчик» Коля Смирнов не борется за правду, равнодушен к творчеству, не мучается от первой неразделённой влюблённости. Он предельно циничен, хотя и скрывает свой цинизм под маской доброжелательности. Он лишь наблюдает за происходящим, за таким маленьким школьным «апокалипсисом». А затем, используя пороки окружающих, выстраивает относительно них своё поведение и получает выгоды для себя. Он становится лучшим в среде худших.

Такой персонаж - антипод Коли Красоткина из «Мальчиков» Ф. М. Достоевского. В этом смысле «хороший мальчик» Коля Смирнов - типичный антигерой, которого создатели фильма навязывают нам в качестве образа положительного героя. Это с ним юные «россияне» должны себя идентифицировать. Он должен стать для них сначала образцом поведения, а затем идеалом личности общественного лидера, который поведёт их за собой в будущей социально-политической реальности.

Вместе с тем, либеральным деятелям от искусства важно не переусердствовать, не превратить своего антигероя в отрицательный персонаж, иначе он вызовет отторжение у доверчивой зрительской аудитории. Антигерой должен быть привлекательным во всех отношениях, он должен во внешних своих проявлениях и чертах походить на классического положительного героя. Только со знаком «минус» в подтексте мотивов своего поведения и поступков.

Какова же основная цель, главная сверхзадача либерального кинематографа при таком шулерстве, такой подмене добра - злом? В искусстве как церковном, так и светском образ всегда в той или иной степени является отображением, проекцией Первообраза. Идеально это демонстрирует иконопись. В классической русской культуре образ положительного героя, полагающего душу за други своя, пронизан евангельскими

аллюзиями Первообраза Спасителя. Соответственно, черты образа отрицательного героя в традиционалистском русском искусстве похожи на ...? Правильно! Однако времена «Фауста» и «Мастера и Маргариты» давно прошли, и архаичные образы просвещённого Мефистофеля и аристократичного Воланда уже не соответствуют духу времени. Дух нынешнего времени - по логике наших либералов - таков, что требует выведения, в качестве главного героя, на авансцену искусства и Истории персонажа... - не отрицательного, нет. Библейский прообраз отрицательного персонажа ведь действует против Христа и его время ещё впереди. Да и не готовы ещё его принять «ватники». А сейчас - надеются либералы - приходит время того, кто не против, а вместо Христа... Роль главного положительного героя в либеральной «культуре» сегодня предназначено исполнять образу антихриста.

В конце XIX века к Фридриху Ницше и его главному персонажу - Антихристу отнеслись не с должной серьёзностью. Почтеннейшая образованная публика, в том числе и в России, их восприняла как атрибут литературного эпатажа. А зря. Сегодня в мировом и российском искусстве образ «сверхчеловека», мораль которого «по ту сторону добра и зла», всё больше заполняет пространство культуры. И самое отвратительное, что черты этого персонажа проецируются и переносятся на образ подростка, школьника.